Письма с того света

Category: Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Письма с того света ПИСМА С ТОГО СВЕТА [1]

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Любезный брат мой Слепень!
Мне даже мертвому не дают покоя. Хочется закричать: «Хватит, хороните же меня скорей!»
Но я не могу закричать, и никто меня не может поэтому услышать, я безмолвствую.
В морге много таких, как я. Одни ждут, когда за ними придут и похоронят, другие — когда их поднимут в анатомический театр, третьи — когда опознают. Среди прочих мертвецов меня особо заинтересовали трое. Первый не переставая смеется, второй все время плачет, а третий находится в глубоком раздумье.
Я подошел к тому, который смеется:
— Прошу прощения, уважаемый господин усопший. Скажите, почему вы все время смеетесь?
Любезный братец Слепень, правда, ведь страшно, когда мертвый смеется? Можешь ли ты себе представить, чтобы покойник — ну, скажем, твой родственник или товарищ — надрывался от смеха?
Мертвец, обхватив живот руками и задыхаясь, хохотал, как заведенная машина, и не мог даже говорить. Из глаз его катились слезы, и лишь иногда он вскрикивал: «Ой, не могу!.. Боже мой, сейчас лишусь чувств!..»
Каково — мертвец в обмороке!
Сквозь смех, однако, он отрывисто рассказал мне свою историю:
— Как будто ничего смешного и нет. Вечером накануне своей смерти я пошел с женой в театр. Она давно просила: «Пойдем в театр! На комедию! Развлечемся!» И я купил два билета на комедию.
Мы отправились в городской театр. Мы начали смеяться, как только поднялся занавес. Занятная была пьеса. Так было смешно, что мы чуть не умерли от смеха. Но странно: никто, кроме нас,

в зале не смеялся. Наоборот, многие плакали. До середины третьего действия мы смеялись, остальные лили слезы.
И вот один зритель говорит мне:
«Господин, прошу вас, угомонитесь».
Тут выскочила моя жена:
«А почему бы нам и не посмеяться за свои деньги? Ведь мы же заплатили».
«Для того и пришли на комедию», — поддержал я свою супругу.
«Какая комедия!.. Ведь это драма!»
Мы твердили: «Комедия», они — «Драма».
Нам кричат: «Тупицы!..» Мы отвечаем: «Тупицы! Сидите на комедии — и ревете!».
Чтобы удостовериться, обратились к афише. Там стояло — драма!..
По ошибке я купил билеты на драму. А мы-то с женой считали, что обязаны смеяться.
Тут в наш спор вмешался театральный критик.
«Вы оба правы, — сказал он. — Вы заплатили деньги и хотите повеселиться — оправдать свою трату. Вы решили это в тот момент, когда отдавали деньги за билеты. Но и те зрители, что пришли на спектакль и проливают слезы, тоже заплатили деньги и тоже оправдывают свою трату. Они заранее решили поплакать и плачут вволю. И вы смеетесь, и они плачут не из-за того, что происходит на сцене. Если бы даже ничего не показывали, если бы даже занавес был опущен и лишь слегка колыхался от ветра, то и тогда одни из вас заливались бы смехом, а другие вытирали слезы. В чем же дело? Почему, побывав на комедиях наших авторов, говорят: «Что я за дурень, три часа просидел в душном помещении», а в битком набитом зале, где дают душещипательную драму, надрываются от смеха? Хотел бы я знать, засмеялся бы кто-нибудь на спектакле нашего комедиографа, если бы нужно было платить за билет не до начала представления, а после него!»
— Понимаешь, теперь, почему я смеюсь? — закончил свой рассказ мертвец, давясь от смеха и восклицая: — Ох, умру!.. Ну и чудаки эти люди! До сих пор смеюсь после той потешной комедии. Ха-ха! Хи-хи! Хо-хо!

Затем я разговорился с мертвецом, который все время плакал.
— Мне понятно, почему вы плачете! — начал я. — Наверное, перед смертью вы попали на комедию, а хотели побывать на драме…
— Вы не угадали, — ответил он, глубоко вздыхая, утирая глаза и шмыгая носом. — При жизни я был читателем газеты «Верный путь». Однажды в ней поместили статью под названием «Великая утрата» — по поводу кончины какого-то очень важного, очень уважаемого человека. Ничего более печального я не читал в своей жизни. Каждое слово вызывало потоки слез. «Ты вечен», «Человечество тебя не забудет, твои заслуги перед нами…» — в таких выражениях говорилось о покойном. Наконец дочитав статью, я бросился в редакцию газеты, разыскал журналиста и сказал ему:
— Если б я знал, что мне после смерти посвятят подобную эпитафию, я согласился бы тут же умереть.
«Об этом не беспокойтесь. Любое можно сочинить, все зависит от того, как заплатят!»
Я дал ему столько, сколько он запросил.
Глаза мертвеца распухли от слез, были красны. Я пытался утешить его.
— Как же мне не плакать, — говорил он, — ведь вот я умер, но обо мне этот журналист и двух строчек не написал. Обидно…
— А тот покойный кем был?
— Не знаю, — ответил мертвец, глотая слезы, — я с ним не был знаком.. Но некролог написали так трогательно…
— Что же вы плачете теперь, вы же умерли!
— А как мне не плакать? Деньги заплатил, а обо мне в газете и слова не было. И до сих пор из головы не выходит та статья из «Верного пути». Чуть вспомню — и опять в слезы.
Наконец, я подошел к третьему мертвецу, который был погружен в раздумье.
— Простите, — обратился я к нему, — с тех пор, как я здесь, вы все время о чем-то думаете. Очень интересно знать, что вас так занимает?
— Я не могу решить, кто я — человек или не человек!
— Как можно сомневаться!.. Конечно, человек!
— Я тоже так полагал. Однако никому не смог доказать. Вот

послушайте. Сколько бы мы здесь ни кричали, не орали, люди там, на земле, не услышат наших воплей и не поймут, потому что у нас мертвые голоса, мертвые слова! Живые не понимают языка мертвых. Бывает, что не понимают и живые живых на земле. Одни кричат, надрываются, плачут, но голоса их не доходят! Неизвестно, живут эти люди или не живут, они от нас ничем не отличаются. В этой проклятой жизни в обычные дни их не считают за людей. Ими начинают интересоваться лишь тогда, когда нужно, чтобы они исполнили свой гражданский долг, а это бывает при переписи населения, в выборную кампанию, при обложении налогами, при очередном призыве в армию. Много ли на свете людей, которые с гордостью могут заявить: «Да, я человек?..» Все в нашей жизни обусловлено. Быть человеком, — значит жить по-человечески и чувствовать себя человеком. Где бы я ни был, мне презрительно задавали вопрос: «Разве ты человек?» Так я и не смог ответить на этот вопрос, потому что при жизни много работал, старался обеспечить себе существование и не имел времени обдумать, человек я или нет. Слава Аллаху, умер, и теперь у меня сколько угодно времени, чтобы подумать, был ли я при жизни человеком.

— Ну, нашли вы ответ после столь долгих раздумий?

— Нет, пока я еще продолжаю обдумывать этот вопрос. Ведь если бы я был человеком, жил по-человечески, окружающие услыхали бы мой голос. А вместе с тем, если бы я не был человеком, то от меня не требовали бы выполнения всевозможных повинностей, уплаты налогов, исполнения различных обязанностей, не охотились бы за моим голосом.

Выслушав мертвеца, я тоже задумался. Мы принадлежим к тем существам, которые при жизни не сумели заставить других услышать свой голос. Наши песни безмолвны.

Вот так-то, любезный брат мой Слепень! Мне кажется, ты тоже задумаешься, прочитав это письмо. Может быть, и ты, купив билет, смеешься на драме, так как потратился и оправдываешь свои расходы. Может быть, и ты проливаешь слезы над трогательным некрологом, написанным по поводу смерти человека, которого совсем не знаешь. Сообщи тем, кто поносил меня при жизни, что я умер, пусть они наконец порадуются.

Желаю счастья и здоровья.
Твой брат.
Мертвый Осел.

■ ПИСЬМО ВТОРОЕ

Любезный мой Слепень!
Ты знаешь, когда мы ходили по земле, я был неприхотлив. Я мог лечь и заснуть где попало. Пренебрегать тем, что тебе на сегодня отпущено, — преимущество немногих, привилегированных.
Помнишь, любезный Слепень, нам и в голову не приходило там, на земле, что можно от чего-то отказываться!
Я засыпал, где бы ни приткнулся: дома и в гостинице, в постели и на досках, на равнине и на холме. И в тюрьме. Я мог писать, где бы ни пришлось: в кофейне и дома, за столом в конторе и на коленях…
Есть люди с необъяснимыми причудами. Знал я одну мужеподобную девицу из бара. Как-то сильно выпив, она со слезами на глазах призналась мне: «Я всю жизнь мечтала только об одном — о том, чтобы кто-нибудь из мужчин преподнес мне цветы! Я получала много подарков, деньги, но никто никогда не прислал мне и одной гвоздички!»
И еще я знал одного человека, который, проспав ночь на пуховой перине в самой роскошной гостинице, мог сказать, что не выспался из-за того, что у него была неудобная постель. Я же мог заснуть даже на доске, утыканной гвоздями, подобно индийскому факиру.
У меня вызывали удивление люди — рабы своих привычек. Как-то вечером мы с приятелем были в театре. Вдруг посреди действия он мне говорит:
— Пошли скорей!
— В чем дело? — испугался я.
Оказывается, у него расстроился желудок. Ему необходимо было попасть к себе домой, потому что он не терпел чужих уборных. И вот в полночь мы мчимся на такси, потому что непременно подай ему то, к чему он привык!..
Да, любезный Слепень, так-то устроен наш мир, чего только не

бывает!
Ну, а мы? Нам было все нипочем, мы не разбирались ни в костюмах, ни в комнатах, ни в квартирах, ни в женщинах, которых ниспослал нам Аллах. Поэтому-то я не стал противиться, когда меня уложили в эту могилу. Она показалась мне мягким, прохладным ложем. От всякого одиночества веет прохладой…
Мое место оказалось совсем неплохим, только снизу что-то твердое впивалось мне пониже спины: камень или корень дерева.
Я хотел передвинуться, но вдруг голос снизу:
— Не шевелись!
Я повернулся и увидел, что подо мной лежит еще один покойник.
— А ты откуда взялся? — спросил я.
— Тебе что за дело? Здесь моя могила! — пробурчал он.
— Как же это так, голубчик? Ведь меня тут похоронили.
— Ну, а меня двумя часами раньше. Значит, право за мной.
— Если так, почему же не протестовал, когда меня клали на тебя?
— Как мог я кричать, когда я мертвый! Меня все равно не услышали бы. Посмотрим, как будешь ты орать, когда па тебя положат кого-нибудь.
— На меня тоже будут кого-нибудь класть?!
— Кто знает, может, двоих! Подо мной тоже лежит.
— Не может быть! Почему же нас всех загнали в одну могилу?
— Очень просто, сейчас место на кладбище можно купить только на черном рынке!
Есть дельцы, которые спекулируют могилами, продают одну на несколько мертвецов. Поэтому мы и лежим здесь друг на друге. Даже пожаловаться не можем. А наши близкие не знают, в каком мы положении. Но вместе с тем оно и понятно, кладбище, того и гляди, займет весь город. Места для живых не хватает, где уж тут заботиться о мертвых!
Злой рок преследовал меня. На следующий день на меня положили мужчину — старца восьмидесяти четырех лет!
— Это наша семейная могила, убирайтесь вон! — вопил он.
На земле нас выгоняют домовладельцы, а под землей — обитатели семейных могил. Аллах, Аллах!
Мне очень хочется тебя увидеть, дорогой Слепень. А ты

соскучился по мне? Передай привет зелено-голубым водам Золотого Рога, омывающим понтоны под Галатским мостом… И еще вспомни меня, когда будешь проходить под аркой Ениджами, что выходит на площадь Эминеню. Под ней всегда легкий ветерок. Я только там и чувствовал себя свободным. Я подставлял грудь освежающей прохладе и стоял недвижно.
Когда мы были живы, мы не знали, что такое свобода, о ней мы читали только в книгах. Но когда мою грудь ласкал ветер под аркой Ениджами, я думал, свобода, наверное, что-то вроде этой прохлады. Там часто плачут… Но ветер быстро высушивает слезы, и никто не замечает, что ты плакал!
Я целую твое ядовитое жало, которое впивается в мерзавцев.

Твой брат
Мертвый Осел.

■ ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Мой единственный друг Слепень!
Когда мы учились в школе, нас заставляли всем классом петь молитвы. Сейчас у меня в памяти остались только отдельные строки: «Текут реки в раю, Аллах изрекает волю свою». Но я еще не побывал в раю и поэтому не внял, что изрек Аллах.
В памяти моей осталась еще одна строка из этой молитвы: «Подо мной земля, надо мной листья…»
Эти слова, по Корану, принадлежали одному усопшему, который лежал в земле, а покрывали его опавшие осенние листья. Нас, шести-семилетних ребят, заставляли распевать эту молитву. Вот с каких лет начинается подготовка к загробной жизни!…
Когда я подрос, слова молитвы перепутались у меня со словами песенки, услышанной на улице. Там пелось: «Руки мои — тебе подушка, волосы — покрывало».
Но мне так и не пришлось встретить на земле рук, которые были бы мне подушкой, и волос, укрывавших от холода, а после смерти земля не стала мне ложем и листья — покрывалом. Подо мною мертвец, надо мною мертвец, а я посредине.
Мертвец, лежащий подо мною, рассказывал:
— Я промышлял торговлей белыми женщинами.

Мертвые всегда говорят правду, Слепень. Поэтому он не скрывал, что торговал женщинами.
— Я подлец, — откровенно признавался он.
Услышав это, мертвец, что был надо мною, закричал, опасаясь за свою невесту, которая лежала ниже всех в нашей могиле:
— Вы находитесь в семейной могиле почтенных людей! Мерзавцы не имеют права осквернять святость семейных традиций!
Мертвецы не лгут. А между тем мой сосед продолжал:
— Да я подлец, я сгусток подлости. Я мошенничал, занимался контрабандой, воровал. Я даже убивал людей. Но все свои подлые дела я творил в таких высоких сферах, что рука закона не могла дотянуться до меня. Как и все подлецы из высших слоев, я имел власть, отдал под суд и даже засудил трех журналистов, которые написали статьи, затронувшие меня. И вот я скончался. Два дня назад состоялись мои похороны. Гроб мой поставили на погребальный камень во дворе соборной мечети. Пока готовилась церемония, до меня издалека долетели звуки траурного марша Шопена. Этот Шопен — гений. Где бы на земле не умирал великий, знаменитый человек, оркестры начинают мучить дух композитора. Кто знает, на каких только широтах одновременно не гремит его марш! Шопен обречен па вечное наказание за то, что сочинил его.
Медленно приближались звуки оркестра. Через щели гроба я наблюдал за происходящим. Судя по оркестру и толпе провожающих, покойный был очень важной особой. Может быть, губернатором, премьер-министром, президентом… Его гроб поставили рядом с моим. Оркестр смолк.
Знаменитый покойник, вероятно, по запаху распознал, что я подлец, и начал кричать:
«Уберите меня отсюда! Я не могу быть рядом с подлецом!.. Я герой!..»
Но живые не слышат голоса мертвых, и я ему ответил на понятном нам языке:
«Не волнуйся, уважаемый герой, скоро наши пути разойдутся!»
И действительно, вскоре мы расстались. Но при расставании произошла небольшая ошибка. Огромная толпа, провожавшая его в последний путь, подхватила мой гроб, а несколько человек, что

шли за моим телом, взяли его гроб. Теперь уже для меня оркестр играл траурный марш, за моим гробом шли сотни людей, а его тащили несколько жалких пройдох…
Потом я потерял его из виду. Героем оказался я. Меня положили в эту могилу. Надо мной произносили речи. Я слушал, какие великие дела числятся за мной. Совесть моя неспокойна. Тяжело занимать место героя, пользоваться его правами. Мир, в котором мы жили, полон несправедливости. Подлецы, вроде меня жили, как благородные люди. Что ж, я и в раю сумею пристроиться. Но что станется с тем героем? Неужели он будет гореть в аду вместо меня? Конечно, там его спросят о делах, совершенных на земле. И когда ангел задаст уважаемому герою такой вопрос: «Торговал ли ты женщинами?» — представляете, что с ним будет! Умрет во второй раз. Слепень, братец мой, не суди его строго — плохой, мол, это человек, торговал женщинами. Видел бы ты, как, откровенно рассказавши нам свою историю, обливался он слезами из-за того, что занял место героя.
Я рассмеялся. Почему-то мне показалось очень смешным, что перепутали героя с подлецом. На земле и на том свете — везде, оказывается, одинаково.
В то время, как торговец живым товаром горько плакал, а я надрывался от смеха, неизвестно откуда раздался грубый голос:
— Не плачь!.. Божественная справедливость восторжествовала! Голос, который ты сейчас слышишь, принадлежит акушеру, принимавшему роды у твоей матери пятьдесят четыре года назад. Когда твоя мать рожала тебя, и другая женщина родила сына. Вот откуда идет путаница. По ошибке ты был отдан той женщине, а ее сын — твоей матери. Всю жизнь вы не могли исправить эту ошибку. Собственно, героем должен был стать ты, а тот, другой — подлецом. Сейчас, когда вы оба умерли, божественная справедливость восторжествовала. Так что не убивайся. Ошибка исправлена. Услышав это, мой сосед воскликнул:
— Ничего себе!.. Не могла эта справедливость восторжествовать лет сорок назад! Тогда мне не пришлось бы торговать женщинами!
Я сказал ему:
— Благодари Аллаха, что рано умер, а что бы было, если бы ты прожил восемьдесят четыре года, как старик, лежавший над нами?

— Где ты? — спросил я акушера. — Кто ты теперь?
— Я чертополох, выросший на вашей могиле. Когда-то я был человеком, но я умер восемнадцать лет назад, мое тело давно истлело, смешалось с землею. А из земли я поднялся чертополохом.
— Что за чертовщина! — бормочу я.
В то время раздался другой далекий голос:
— Никакой тут нет чертовщины! Той путанице предшествует еще одна. По метрике я твой отец! Но на самом деле я отец того героя. Однажды ночью… Была темная ночь… Я был очень пьян… Я забрел в чужой дом, думая, что это мой, зашел в чужую спальню, лег в чужую постель, к чужой жене. Но она-то знала, что я не ее муж.
— Над нами заговорило еще одно растение, — сообщил я. — Но ты приятель, не обращай внимания! Если начнут говорить все травы над нами, мы совсем запутаемся.
Вот так мы здесь и живем, дорогой братец, Слепень. Как вы там на земле барахтаетесь, так и мы тут. Здесь те же беспорядки. Я уже потерял веру, что несправедливость можно устранить.

Скучаю и целую тебя
Твой брат
Мертвый Осел.

---

[1] Предлагаемые сатирические памфлеты — продолжение книги «Письма с того света» (М., 1960). В письмах к другу герой произведения делится впечатлениями о «потустороннем мире», находя его столь же дурно устроенным, как и мир, в котором он прежде жил на положении вьючного животного, где был бесправен, задавлен непосильной работой. Три эти новеллы повествуют о дальнейших похождениях героя «Писем с того света».